

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ВОЗМОЖНОЙ ТЕОРИИ СМЕХА

*Смех вызывается ожиданием,
которое внезапно разрешается ничем.*

И. Кант

Смех – само естество. Он мгновенен. Он – взрыв. Он, как и любой феномен жизни, обладает способностью ускользания от сознания. Смех водой в ладонях уходит меж пальцев. Удержать его в ладонях крайне трудно. Остается одно – отказаться от искусственного воспроизведения смеха и наблюдать его в естественных условиях. Тогда он будет как на ладони. В этом и заключается трудность для философствующего ума. Философ – не полевой исследователь, он привык к кабинетным симулякрам.

Мы не претендуем на создание какой бы то ни было теории смеха. Нам хотелось бы только предложить несколько замечаний о смехе. Мы оставим в стороне смех, вызываемый механическим воздействием на чувствительные участки тела (щекоткой), а также смех людей с нервными и психическими отклонениями, наши замечания будут касаться только смеха, вызываемого приемами комического.

Смех уже привлекал к себе внимание желающих его изучить. В области его изучения много было сделано, поэтому следует учитывать достигнутое другими исследователями в этой области.

О физиологии смеха хорошо писал Дж. Селли (3), мы не будем касаться этого вопроса. Обратим лишь внимание на «социальную значимость», как пишет Фрейд (4), смеха, о которой упоминают и другие исследователи, например, Бергсон: «Наш смех – это всегда смех той или иной группы» (1, с.8-9). Здесь мы видим необходимость внести уточнение. Разница между этими понятиями такая же, как между словами английского языка *community* и *society*, или как между отношением *Я-Ты* и отношением *Я* и *Оно*. Суть в том, что между *Я* и *Оно* непосредственной связи быть не может, а если и кажется, что таковая есть, то это только кажимость. Эта связь опосредована связью *Я-Ты*. На самом деле связь *Я* и *Оно* – лишь формальная структура, привносящаяся извне, насаждаемая тоталитарно. Совсем иное дело – связь *Я-Ты*. Она существует и как диалог, и как любовь, и как дружба, и как признание. Одним из показателей этой связи является смех. Он не результат этой связи, не ее основа, он – всего лишь показатель ее, поскольку сам возникает на основе этой связи. Смех невозможен без некоторой открытости со стороны воспринимающего смешное. Такая открытость, или готовность к диалогу, характеризует связь *Я-Ты*. Вспомним, что и Фрейд также говорит о снятии препятствий в процессе высказывания остроты – препятствий между высказывающим остроту и воспринимающим ее. Однако, между предметом остроты, с одной стороны, и этими двумя, с другой, устанавливается отношение *Я* и *Оно*. Попытка снять препятствие (попытка виртуального обнажения) между высказывающим остроту и предметом ее оборачивается установкой более крепкой преграды – связь *Я-Ты* между предметом остроты и высказывающим ее развалится. Получается, что связь *Я-Ты* – минное поле для взрывов смеха. Однако, уточню, смеха не истерического, смеха, вызванного не чрезвычайным нервным напряжением, поскольку такие виды смеха, в принципе, не обязывают существовать какого-нибудь *Ты* как связанного со смеющимся *Я*. О таком смехе пишет Кант (см. эпиграф), и нам нечего добавить к его высказыванию. Мы не будем касаться такого смеха. Речь пойдет далее о смехе, вызванном чем-то комичным, смешным, остроумным, о смехе как естественной реакции на комическое. Высшая похвала для комического – смех.

Поскольку наше исследование не претендует на звание системы, на звание учения и даже не претендует на звание теории, постольку я позволю себе оставить сам смех в покое и перейти к рассмотрению того, что вызывает смех, т.е. к рассмотрению смешного. Вернее даже, к рассмотрению того, без чего невозможно было бы существование смешного.

Как же некоторая фраза или демонстрация становится предметом смеха?

Не будем касаться здесь целей, достигаемых комическим. Интересно другое, на первый взгляд, кажется, будто комическое апеллирует к рассудку, используя общие логические схемы, делая «логические» выводы, однако при более подробном рассмотрении становится ясно, что смех от комического возникает не как рациональная реакция (захотел – рассмеялся, не захотел – промолчал, причем, это хотение регулируется рассудком). Наоборот, смех возникает наподобие реакции на раздражитель. Смех – рефлекс, очень похожий на безусловный. Следовательно, вряд ли уместно говорить о рациональной природе смеха. (Бергсон, кстати, попался на удочку этой тонкости. В начале своей работы «Смех» он высказал предположение о рациональности смеха, а в процессе своего исследования пришел к выводу о бессознательности смеха.) Смех иррационален. Смех бессознателен. Об этом внятно впервые написал Фрейд (4). Однако не стоит путать смех с самим предметом смеха, со смешным. Оно почти всегда предлагается вниманию воспринимающего совершенно осознанно. Источник смешного смеется только либо в предвкушении смеха воспринимающего, либо заражаясь его смехом. Совсем иное дело – воспринимающий. Когда он готов к смеху, вызвать смех крайне легко. Даже юмор низкого качества может вызвать реакцию – взрыв смеха. С другой стороны, крайне трудно вызвать смех у не готового к смеху и смешному потенциального воспринимающего. Смешное должно быть легким, резким, острым. Крайне легким, крайне резким, крайне острым. Случившийся смех превращается в экстатическое состояние. В этом состоянии происходит внутренняя самостимуляция смеха. Человек забывается в смехе. Поэтому, рискну назвать смех наркотиком. Культурным наркотиком, Наркотиком от культуры. Смех, как и другие виды наркотических средств, выполняет защитную функцию отгораживания от предъявляемой реальности. Расцвет юмора в России пришелся на кризисный период ее развития именно из-за наркотической природы смеха. Кто-то забывался в пьяных деревнях, а кто-то на юмористических концертах.

Но вернемся к рассмотрению восприятия комического воспринимающим. Исходящая из источника комического некоторая фраза или демонстрация затрагивает в бессознательном воспринимающего соответствующую точку раздражения. Эта точка раздражения является некоторой нормой, усвоенной в процессе жизни в обществе, в процессе культурной жизни. Фрейд упоминал о таком способе рассмотрения данной проблемы, однако, поглощенный своим пансексуализмом и сексуальным панпсихопатологизмом, не уделил ему должного внимания и расставил акценты в угоду своим теоретическим склонностям. Но он был не первым, кто обратил внимание на такой способ изучения смеха. Еще «Шопенгауэр утверждал, что смех возникает тогда, когда мы внезапно обнаруживаем, что реальные объекты окружающего нас мира не соответствуют нашим понятиям и представлениям о них» (2, с.13). Однако, Шопенгауэр лишь отметил это, не объяснив механизма вызывания смеха. Это попробуем сделать мы.

Фраза или демонстрация направлена на обострение указанной культурной нормы с помощью приемов остроумия (передвигания смысла, преувеличения и других). Смех вызывает наглядная явность несоответствия предлагаемой фразы или демонстрации норме. Той норме, которая является точкой раздражения. Вошедшие в наше бессознательное в процессе культурной жизни, нормы вызывают естественную аффективную реакцию отторжения реальности, заключенной в предлагаемой фразе или демонстрации, реакцию защиты от раздвоения личности (личность всегда стремится к внутреннему единству), от ее распада, разложения. Эта реакция – смех. Так осуществляется защитная функция смеха.

Смешное может находиться на уровне абсурдного. Абсурд вообще – ситуация искажения нормы. Поэтому искусство абсурда всегда имеет привкус комического. Но не любое виртуальное искажение нормы может быть смешным. Одна и та же фраза (демонстрация) у одного человека может вызвать смех, у другого – сострадание, к примеру, или слезы. Дело, конечно же, помимо всего прочего еще и в личных психологических качествах воспринимающего. Для того, чтобы смеяться, необходимо уметь абстрагироваться от реальной связи Я-Ты, нужно уметь воспринимать предмет смеха как *Оно*, выведенное за рамки Я-Ты-связи и потому лишенное конкретности. Еще

одним немаловажным фактором вызывания смеха является конкретность нормы, на раздражение которой направлена фраза (демонстрация). Наиболее смешно то, что затрагивает нормы, которые в повседневной жизни никогда не вызывают сомнений. Чем обыкновенной, чем повседневней норма, тем сильнее будет реакция на фразу (демонстрацию), которая была направлена на раздражение этой нормы. Другими словами, чем норма «нормальнее», тем смешнее ее раздражение.

Итак, в общих чертах мы показали действие смешного на уровне воспринимающего, но что же заставляет производить смешное?

На наш взгляд, из множества мотивов производства смешного наиболее существенны следующие:

1. Получение сексуального удовольствия. В этом случае нам хотелось бы отметить, что остроумие – мужской инстинкт. Так сложилось. Культура постепенно приписала (следовательно, предписала) мужчинам активность, а женщинам пассивность в ситуации получения сексуального удовольствия. Здесь можно выделить совершенно явно два подмотива:

а) производство смешного является установлением контакта между двумя людьми, который в идеале должен привести к половому акту. Здесь смех может служить знаком согласия воспринимающего на контакт, установление связи *Я-Ты*. Однако, несогласие на контакт, выраженное не в смехе, может вызвать к жизни иной подмотив;

б) производство смешного – здесь способ стимуляции смеха как защиты от психологического ранения, вызванного невозможностью установления контакта. Сущность производства смешного в соответствии с этим подмотивом изумительно описана Фрейдом. Речь идет о производстве смешного как способе обнажения, по большому счету как способе виртуального полового акта.

2. Честолюбивое желание слыть весельчаком, душой общества. Активность в процессе производства смешного дает возможность определять действия всего сообщества, в котором смешное производится, управлять этим сообществом. Другими словами, осуществлять свою волю к власти. Шутки над собой всегда производятся по этому мотиву.

3. Стремление проверить «правильность» мышления тех лиц, которые постоянно находятся в связи *Я-Ты* с тем лицом, которое произведет смешное, но не могут стать предметом сексуальных притязаний, хотя бы в силу (по Фрейду) культурных механизмов сдерживания. Это, прежде всего, дети. Взрослый, производя смешное по отношению к ребенку, осуществляет это всегда с позиции власти. Взрослый преднамеренно привирает, искажая норму. Ребенок, в соответствии с нормой, уже заложенной в нем, но не обладая пока таким же умением производить смешное, а потому не могущий ответить, например, на остроту остротой, поправляет взрослого. Этого взрослый и ожидает. Посредством производства смешного взрослый определяет норму, делая ее для ребенка более конкретной, расставляя границы возможного и границы должного.

В данном случае речь идет об общности норм у ребенка и у взрослого. Вообще, для возникновения смеха необходимо, чтобы и у производителя и у воспринимающего было заложено в сознании нечто общее, необходимо, чтобы и тот и другой «настроились на одну волну», т.е., иными словами, чтобы состоялась связь *Я-Ты*, необходимо, чтобы между двумя сторонами образовалось единое поле напряжения, непрерывный континуум сознания. Следует сказать, что этот континуум не исчерпывается индивидуальным сознанием, а тождественен культуре, духовной культуре. Материальная культура – воплощение тех идей, которые «носятся в воздухе», иначе говоря, составляют непрерывный континуум сознания. Он является контекстом для возникновения тех или иных феноменов культуры. Культурность же есть степень вхождения в непрерывный континуум сознания. Проверкой степени вхождения в непрерывный континуум сознания служит остроумие.

В непрерывном континууме сознания существуют знаки, символы, язык (его идеальная часть, т.е. то, что обозначается словами), смысл, идеи – одни для определенной общности людей (народа, группы). Он является основой понимания

людьми друг друга, основой диалога. Непрерывный континуум сознания есть осуществление формы *Я-Ты*. Каждая общность людей вырабатывает свой непрерывный континуум сознания. Именно на нем она и строится.

Различие культур заключено в различии непрерывных континуумов сознания людей, принадлежащих к этим культурам. Именно поэтому, «многие комические вещи совершенно непередаваемы с одного языка на другой, потому что они тесно связаны с нравами и представлениями данного общества» (1, с.13), данной культуры. Таковыми представлениями, в частности, являются и моральные нормы, так сказать, этос. Человек всегда соответствует своему этосу, этосу своего сообщества, этосу культуры. Все действия, производимые человеком, в процессе их произведения решают дилемму «дозволено-не дозволено». Совершая действие, человек показывает границы дозволенного для него, т.е. показывает пределы собственного этоса. Таким образом, действие – отражение этоса действующего. Следовательно, смех, непроизвольно вызываемый у других моими действиями, есть смех, вызываемый моим собственным этосом. Этот самый смех надо мной (над моим этосом) ставит меня вне этоса смеющихся (воспринимающего и производящего смешное). Так возникает мотив аутсайдера (аутсайдера-предмета или аутсайдера-человека, не важно).

Таким образом, совместный смех объединяет смеющихся, а выступающий в качестве непринятой реальности предмет смеха отгораживается наркотическим свойством смеха.

1. Бергсон А. Смех. – М., 1992.
2. Пропп В.Я Проблемы комизма и смеха. – СПб., 1997.
3. Селли Дж. Смех. Его физиология и психология. – СПб., 1905.
4. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. – Мн., 1999.